

УДК 327

РУССО И ИСТОКИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Роджер Скрутон

Перевод с английского С. В. Мельничука¹

***Аннотация:** В статье автор рассматривает вклад Жан-Жака Руссо в развитие либерального направления общественно-политической мысли. Подробно описаны взгляды Руссо на свободу личности, социальное неравенство и ряд других социальных феноменов. Затронуты влияние трудов Руссо на работы других мыслителей.*

***Ключевые слова:** свобода, равенство, общество, общественный договор*

На каждом этапе своего существования современный мир наглядно демонстрирует, что разрушать действующие институты гораздо проще, чем создавать новые. Тем не менее, похоже, лишь немногие осознают данную истину. Лейбористская партия Великобритании приступила к осуществлению ряда «конституционных реформ», способных подорвать прежнюю власть парламента, но при этом не предлагающих на его место достойных альтернатив. Церкви приступили к проведению массовых литургических изменений, тем самым утратив свои былые верования и способы утешения, при этом не приобретя последователей среди молодежи.

Люди, будь то реформаторы школьного образования или ЛГБТ-активисты в армии, стремятся преобразовать унаследованные институты в соответствии с интересами их нынешних представителей. Каждый из этих последних должен занимать равное положение в церкви, школе, бригаде или трудовом коллективе, к которым он принадлежит. Однако ни у кого нет ни малейшего понимания того, каковы будут результаты такого подхода в долгосрочной перспективе. Этот процесс пересмотра кажется исключительно рациональным и справедливым лишь его сторонникам. Разве можно препятствовать реформам, если того требует либеральная идеология? Однако факт остается фактом: реформы с легкостью разрушат тот или иной институт, но не смогут гарантированно заменить его другим.

Нам довелось наблюдать это на примере церквей, школ, университетов и государственных органов. И пока в обществе преобладает либеральный консенсус, мы будем наблюдать подобное и дальше. Именно по этой причине не лишним будет вновь обратиться к первому и величайшему из либеральных реформаторов, Жан-Жаку Руссо, с влиянием которого на современные культуру и политику не сравнится ни один другой мыслитель эпохи Просвещения. В работах Руссо раскрывается, что же на самом деле лежит в основе противостояния между консерваторами и либералами во всех сферах общественной жизни, в которых проявляется это противостояние. А в основе его ле-

¹ Перевод с сокращения выполнен по изданию: Roger Scruton Rousseau and the Origins of Liberalism // Mark Dooley (ed.) The Roger Scruton Reader. London, New York: Continuum, 2009. P. 43–50.

жат не свобода, равенство или власть, а унаследованный багаж социальных знаний.

Рассуждения Руссо об общественном договоре, всеобщей воле, характере суверенитета и гражданства, истоках неравенства и возможности демократического выбора представляют большой философский интерес. Однако их следует рассматривать в контексте всей его деятельности в целом. Руссо был не просто выдающимся мыслителем; он был философом, чьи мысли рождались из чувств, а чувства – из идей. Все его работы несут в себе печать неподражаемой жизни; если кому-то из писателей и суждено было представить либерализм в правдоподобном виде, то только Руссо, сумевшему проникнуть в самое сердце этого течения. Его взгляд на жизнь также представлял собой своеобразную форму жизни, нашедшую свое отражение не только в философских трудах мыслителя, но и в невероятно влиятельном романе «Julie, ou la Nouvelle Heloise» («Юлия, или Новая Элоиза»), сравниться с которым может только одно бесспорное произведение искусства, вышедшее из-под пера другого философа – «Пир» Платона.

Руссо выражал свое мировоззрение через другой – хотя, по его мнению, тесно связанный с философией – медиум, а именно через музыку. И, конечно же, в своей «Исповеди» он представил потомкам первый и, пожалуй, самый яркий пример романтической автобиографии, представляющую собой благородную ложь в ее практически современном понимании. Добавьте к перечисленному его гениальное предвосхищение различий между обществами охотников-собираателей и земледельческими общинами; его понимание языка и всей серьезности связанной с ним научной проблемы; его самобытные, влиятельные и чрезвычайно опасные убеждения в отношении образования, и тогда вам сразу станет ясно, что невозможно в рамках одной статьи надлежащим образом рассказать о Руссо, а пренебречь им – тем более нельзя. Впрочем, из его жизни можно извлечь урок, точное содержание которого возможно передать в гораздо меньшем словесном объеме, чем те, что когда-либо уделялись такому значимому человеку, как Жан-Жак Руссо.

Мне уже довелось использовать понятие «либерализм» в том значении, в котором оно употребляется в наше время – или же в одном из них. Однако Руссо не стал бы оперировать данным термином в его современном понимании; кроме того, он бы не узнал свои идеи в том виде, в котором современные мыслители – также называемые нами «классическими либералами» – их подают. Либерализм представляет собой интеллектуальную традицию, сформировавшуюся в результате взаимодействия двух политических идеалов: свободы и равенства. Либералы различаются в зависимости от того, что для них важнее – свобода или равенство. Либертарианцы считают, что свободу можно променять только на свободу, в то время как современный американский «либерал», когда свобода и равенство вступают в конфликт, склонен жертвовать первым понятием в угоду второму. И либертарианцы, и эгалитаристы враждебно настроены к власти имущим, причем на практике такая враждебность нередко их объединяет, даже если в теории это кажется невозможным. Руссо горячо заботился как о свободе, так и о равенстве. Однако он также выдвигал на первый план некоторые глубокие противоречия между этими понятиями. Ему было противно наблюдать за тем, как люди

распоряжаются своей свободой, и это отвращение являлось свидетельством глубокого неравенства, выделявшего Руссо среди многих его современников.

Истинная свобода, по мнению Руссо, – это «нравственная свобода». Ее суть заключается не только в отсутствии ограничений. Свобода предполагает возможность самостоятельно принимать решения. Люди свободны только в том случае, если они могут сами связать себя по рукам и ногам. Отсюда вытекает другая присущая Руссо и четко сформулированная Кантом мысль, а именно, что свобода – это также подчинение закону. Как писал Руссо в «Общественном договоре», «повиновение закону, который мы сами себе предписываем, и есть свобода». По мнению Руссо, общество может быть свободным только при добровольном на то согласии, а обязательства обретают значение, если человек их сам на себя налагает. Из этого следует, что общество обязательно должно основываться на договоре: каждый член общества гарантирует послушание в обмен на аналогичное обещание со стороны всех остальных. Тем не менее здесь кроется противоречие, и Руссо неоднократно возвращается к нему. Умение давать обещания, брать на себя обязательства, действовать самостоятельно – все это предполагает наличие языка, которому, в свою очередь, требуется общество. Автономный агент не может существовать при естественных обстоятельствах, так как он является социальным артефактом. Как поясняет сам Руссо, наша естественная свобода ликвидируется общественным договором, а на ее место приходит «гражданская свобода». Из гражданской свободы вытекает нравственная, однако лишь с обретением нравственной свободы люди могут связать себя договором. Итак, как же можно основать общество на договоре, если для этого самого договора необходимо наличие общества? В этом и заключается мощный парадокс, который пробуждает в Руссо желание верить. Мы должны жить так, словно связаны договором, при этом осознавая, что такое невозможно.

Неравенство бывает двух видов: естественное и искусственное. Руссо убежден, что неравенство, возникающее в обществе, является ограничением свободы как для верхних слоев населения, так и для нижних. Богатые становятся рабами роскоши и зависят от тех, кто служит и повинуется им; бедные становятся рабами своих потребностей и зависят от тех, кто ими повелевает и поощряет их. Но здесь снова возникает парадокс. В свободном обществе, где каждый вправе воплощать свои идеи, естественная власть переходит в социальную, а естественное неравенство – в неравенство иного рода. Все социальные преимущества проистекают из интереса, испытываемого людьми по отношению друг к другу. Внешность, ум, сила, доблесть, энергичность, живость, да и сама привязанность к жизни – все это распределено неравномерно. Тем не менее именно эти качества представляют для нас наибольший интерес и определяют наши перспективы в этом мире. Таким образом, во избежание социального неравенства мы должны позаботиться о том, чтобы люди не могли свободно распоряжаться своими природными способностями. Добиться этого можно только посредством масштабной социальной инженерии.

Руссо прекрасно осознавал парадоксальную природу эгалитаризма. На протяжении всей своей жизни он убеждался в том, что природный талант, если ему не пре-

пятствовать, способствует социальному различию. Человеческие отношения, которые вызывали у него сочувствие, были сопряжены как с естественным, так и социальным неравенством. Отношения между Эмилем и его наставником, между Юлией («Новая Элоиза») и ее возлюбленным Сен-Прё (который также является ее наставником), между самим Руссо и материнскими фигурами, которые поочередно опекали его, как явствует из «Исповеди» – все это является ярким примером того, как социальное и естественное неравенство способствуют взаимному развитию. Он наблюдал, как неравенство принимается и одобряется обществом; также ему довелось столкнуться с состраданием, которое испытывают люди, когда им позволено смотреть свысока – ровно как и снизу – на своих соседей. Следовательно, в трудах Руссо фигурирует только то равенство, при котором сила и власть «уходят на отдых». Как писал швейцарский философ Жан Старобински в своей книге «Жан-Жак Руссо: прозрачность и препятствия» (1988), подобное равенство – это «праздник». В качестве примера автор приводит идиллию сбора винограда в «Nouvelle Heloise», внезапное изобилие которого освобождает представителей всех сословий от необходимости работать, и тем самым позволив им устроить общее торжество.

Так почему же Руссо был готов принять упомянутые мною парадоксы? Что именно в его интеллектуальном и эмоциональном проекте повлекло за собой такое *stredo quia absurdum*? Данный вопрос затрагивает саму основу мышления Руссо. «Мне больше нравится быть человеком парадоксов, чем человеком предрассудков», – писал он в «Эмиле». Предрассудки исходят из желания защитить уже существующие понятия и ценности, а парадоксы – из попытки поставить их под сомнение. Парадокс является признаком априорного мышления – мышления из первых принципов в ситуации, в которой обычаи и привычки закрепились в человеческой природе. По мнению Руссо, общество развратило человека. Чтобы вновь обрести свободу, мы должны соотносить каждый вид деятельности с его «естественным» аналогом. Не то чтобы мы могли вернуться к нашему «естественному» состоянию; все-таки сама идея такого состояния представляет собой философскую абстракцию. Тем не менее всегда имеется другой – пока еще никому не известный – путь к истине, который позволит нам добровольно делать все то, что в настоящее время мы делаем только по принуждению. Следовательно, ни один действующий институт не может быть принят лишь из-за факта его существования. Любые практики и обычаи должны подвергаться сомнению, сопоставляться с априорным стандартом и корректироваться, если они не соответствуют ожиданиям...

Нападки Руссо на общество во имя «естественности» служат примером того, что для меня является главной проблемой либерализма во всех его проявлениях, а именно неспособности принять или даже осознать унаследованные формы социального знания. Под социальным знанием я подразумеваю то, что воплощено в общем праве, в парламентских процедурах, в манерах, стиле одежды, общественных условностях, и, конечно же, в морали. Такое знание, словно по мановению «невидимой руки», зарождается из непрерывной общественной деятельности, из решенных проблем, из закреплённых обычаями соглашений, из конвенций, координирующих наши конфликтующие страсти,

а также из нескончаемых согласований и компромиссов, благодаря которым мы усмиряем «псов войны».

Именно это знание имел в виду Эдмунд Берк, когда критиковал априорное мышление французских революционеров в своем трактате «Размышления о Французской революции» (1790). Писал он следующее: «Мы боимся предоставить людям жить и действовать только своим собственным умом, потому что подозреваем, что ум отдельного человека слаб и индивидууму лучше черпать из общего фонда, хранящего веками приобретенную мудрость нации». В некотором отношении представления Берка ошибочны. Социальное знание не накапливается, подобно деньгам, и не растет, как научное знание, закрепленное на бумаге. Это знание существует только за счет его многократного применения: будучи общественным, негласным и прагматичным, оно не может быть отражено в формуле или в конкретном плане. Легче всего это можно понять на примере неудач плановой экономики.

Австрийские экономисты - как, например, Людвиг фон Мизес в своей книге «Социализм: экономический и социологический анализ» (1951) – вполне логично утверждали, что рыночные цены хранят в себе необходимую для экономической деятельности информацию. Данная информация может существовать только в условиях свободного обмена товарами и услугами; это сведения о том, как потребности оказывают давление на человека. А потому попытка заключить экономическую деятельность в некий рациональный, централизованный план, приведет к уничтожению информации, на которую этот план должен опираться. В экономике рационализм иррационален. И действительно, это яркий пример внутренних противоречий, обнаруженных Руссо во время исследования основных принципов человеческого общества.

Теория австрийских экономистов аналогична той критике, что Майкл Оукшотт обрушил на политический рационализм в своей работе «Рационализм в политике и другие эссе» (1963). Как продемонстрировал Фридрих Август фон Хайек в книге «Право, законодательство и свобода» (1982), такая критика актуальна и в других отраслях, где социальное знание является основой рационального поведения. Например, общее право включает в себя информацию, которая не может содержаться в законодательной программе, – это сведения о конфликтах и их урегулировании, о чувстве справедливости и о человеческих ожиданиях. Данная информация рассеяна по всему закону, и ее невозможно обнаружить, если законодательство является единственным правовым органом. Следовательно, попытки изменить правопорядок с помощью законодательного кодекса, воплощающего в себе все допустимые решения, в корне иррациональны. Данный кодекс приведет к исчезновению источника правовых знаний, коим являются решения беспристрастного судьи, столкнувшегося с непредсказуемым исходом человеческих конфликтов. Общественный договор Руссо порождает абстрактный и априорный кодекс, устанавливаемый не в попытках исправить несправедливость в момент ее возникновения, а в соответствии с верховным актом законодателя, которому суждено потерпеть неудачу, ибо он не Господь Бог, а всего лишь Жан-Жак. На законодателя, словно на несчастного Атланта, возложено непосильное бремя человечества...

Социальное знание является результатом поиска согласия в течение определенного времени. И даже общее право, опирающееся на принудительную силу, сопряжено с попытками прийти к социально согласованным решениям. Таким образом, в случае общего права результат всегда известен – все права и обязанности определены. Но данный принцип – *ratio decidendi* – может оказаться вовсе не очевидным и сформироваться уже позднее в рамках юридического осмысления. Закон, обычай, конвенция, церемония, моральные нормы и рынок – при помощи всего этого люди стараются жить в согласии. В итоге такой общественной строй обречен на неравенство и ограничения. А как иначе? Однако при обычных обстоятельствах все это возникнет в результате свободно заключенных договоров. Если договоры заключаются принудительно, то вытекающие из них конвенции и нормы не будут содержать в себе столь важного для всех нас знания о том, какие действия следует предпринимать, чтобы жить в гармонии с окружающими людьми.

Отказ Руссо от общества в пользу свободного выбора и неиспорченной природы следует рассматривать именно в этом контексте. По мнению Руссо, недостаточно, чтобы институты возникали вследствие всеобщего соглашения, подобно общему праву или рынку; институты сами по себе должны быть объектами соглашения. Нам следует посмотреть на наши институты со стороны и спросить себя, смогли бы мы добровольно избрать их из числа доступных альтернатив. Если ответ положительный, тогда формируется основа общественного договора. И только тогда, заключая такой договор, мы устанавливаем законный порядок. Ибо только тогда институты будут отражать наше добровольное подчинение правительству. Только тогда «личность» побеждает «всех прочих».

Конечно, в понимании Руссо договор мало что значит. Не успеваем мы освободиться от социального бремени, как тут же покоряемся «всеобщей воле», не терпящей возражений и нагло утверждающей, что, повинуясь ей, мы поступаем в соответствии с собственной волей. Обретя свободу, мы тут же ее отмечаем. Каждый, кто знаком с «деспотизмом свободы» Робеспьера, понимает, насколько опасными могут быть парадоксы Руссо, если их глубинный (то есть религиозный) смысл выносится на поверхность.

Но не менее опасным является и утверждение, согласно которому мы можем отказаться от всех институтов, традиций и условностей и заново приняться за их создание. Таково фундаментальное представление либерализма, которое можно встретить во всех вариантах общественного договора, в том числе и в гипотетическом договоре философа Джона Ролза. Оно подразумевает, что мы можем совершать рациональный выбор, зная, что и как делать, без обращения к социальному знанию, то есть без наследия консенсусных решений, накопленного за долгие годы труда.

И дело здесь не в том, что нет никаких оснований для такого умозаключения. Скорее, наоборот, есть все основания для противоположной точки зрения. Понимание того, что нужно делать, приходит только тогда, когда у нас имеется представление о хорошем и плохом, неявное осознание того, как наши действия влияют на множество незнакомых нам людей, а также инстинктивное знание того, что заслуживает восхищения или презрения. Все это передается через традицию. Как утверждает Ролз, без традиций мы не можем постигнуть «концепцию блага». И, несмотря на все, что Ролз говорит об обрат-

ном, общественный договор между людьми, не осознающими концепцию блага, является пародией на рациональный выбор. Причем Ролз представляет это так, будто он раз и навсегда доказал правоту либерального взгляда на общество, а не опроверг её.

Жан Старобински приписывает Руссо эмоциональную потребность отвергнуть любое посредничество, а именно все институты, обычаи и практики, которые встают между «личностью» и ее желанием. Имеем ли мы дело с любовью, религией или образованием, цель Руссо заключается в удалении пелены «общества», чтобы индивид мог немедленно обрести благо, принадлежащее ему по праву рождения, но удерживаемое «всеми прочими», что стоят на его пути. Подобное восприятие общества в качестве среды «инобытия» и отчуждения несет в себе религиозный смысл. Согласно Руссо, личность по природе своей добра и свободна, она живет в состоянии непосредственного единства, являющегося также amour de soi – состояния любви к себе, с которого начинается наша жизнь. Зло объясняется разрушением этого изначального единства и обращением «личности» против самой себя – именно это случается, если мы живем в соответствии с требованиями других. Общество провоцирует переход от невинной amour de soi к amour propre – любви к себе, но уже с чувством вины. Только благодаря общественному договору, перестраиваемому обществом в соответствии с индивидуальным свободным выбором, мы можем преодолеть наше отчуждение. Поэтому договор несет в себе искупительное значение и ведет к «гражданской религии», навязывающей всем гражданам те не опосредованные отношения с Божеством, которых требует их природа...

Сведения об авторе

Сэр Роджер Вернон Скрутон (1944–2020) – английский философ, специализировавшийся на философии эстетики и консерватизма.

Сведения о переводчике

Мельничук Сергей Васильевич – аспирант кафедры политических наук и международных отношений Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com

Scruton R.

ROUSSEAU AND THE ORIGINS OF LIBERALISM

transl. from English by S. V. Melnichuk

***Abstract:** In the article, the author examines in detail the contribution of Jean-Jacques Rousseau to the development of the liberal direction of social and political thought. Rousseau's public views on individual freedom, social inequality and the commonality of other social phenomena*

are detailed. The influence of Rousseau's ideas on the work of other thoughts is described.

Keywords: *freedom, equality, society, social contract*

Sir Roger Vernon Scruton (1944–2020) was an English philosopher and writer who specialised in aesthetics and political philosophy of conservatism.

Melnichuk Sergey Vasilyevich – post-graduate student of the Department of Political Science and International Relations of the Institute «Tauride Academy», V. I. Vernadskiy Crimean Federal University.

E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com